

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-88

Оформление — Оксана Ветловская

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Зотов, Г.А.

3-88 Апокалипсис Welcome : [роман] / Зотов. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Невероятный Зотов).

ISBN 978-5-17-114668-9

Библейское пророчество об Апокалипсисе — сбылось.

Покойники поднялись из могил на Страшный Суд. На улицах горящей Москвы: дивизии СС, монголы Батия, стрельцы царевны Софьи, витязи Дмитрия Донского!

КОНЕЦ СВЕТА? ДА.

Но для мертвой питерской девушки — все только начинается. Ее преследуют ангел из Рая и демон из Ада. За ней охотится существо из древней гробницы. Каждый борется за свое — но всем нужна только она.

Зачем? Почему? Какова ее роль в Апокалипсисе?

ФИНАЛ НЕ РАЗОЧАРУЕТ.

Шокирующая тайна Библии раскроется только в конце.

Динамичный триллер мира мертвых — без единой смерти.

«Откровение» Иоанна Богослова: в убойном коктейле из черного юмора и сенсаций церковных апокрифов.

Книга-блокбастер: способна потрясти любое воображение!

ЧИТАЙ СЕЙЧАС — ПОКА НЕ ЗАПРЕТИЛИ.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114668-9

© Зотов Г., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ЧАСТЬ 1

КЛАДЕЗЬ
БЕЗДНЫ

*Я хочу разрыть могилу — и закрыть твои глаза,
Милого лица коснуться: там лежит твоя душа.
Слышишь, тишина вокруг? Я пришел к тебе, мой друг...*

Grave Digger. Silence

Пролог

Темные воды глубокой реки хранили мрачное и в то же время величественное спокойствие... они еле двигались — словно боялись запачкаться, брезгливо соприкасаясь с грязным песком дикого пляжа. Плотная жидкость напоминала подсолнечное масло: она текла жирно, лениво и отчасти даже сонно — продолжая дремать на ходу. Мутные волны облизывали скорлупу засохших кокосов, в изобилии валявшуюся на берегу. Над водой, как робкие пловцы, выгнулись кривые стволы облезших пальм. Белеющие во тьме тушки мертвых рыб, перевернувшиеся кверху брюхом в окружении каши из черных водорослей, смешивались с отвратительной бурой пеной, собравшейся на поверхности воды. Душное пространство онемело: не было слышно даже противного писка малярийных moskitov, еще недавно целыми стаями быстро носившихся над маслянистыми волнами. Река умерла, как и все живое, что находилось внутри нее. Кольхаясь, мертвые воды продолжали шевелиться, и философ узрел бы в этом нечто мистическое: так обвешанных фотокамерами туристов, плывущих на лодке через священный Ганг, шокирует последний танец трупа на погребальном костре у храма Кришны.

Опрокинутая серебряная чаша — с краями, облепленными мокрым песком, зарывшись в тину на самом краю пляжа, не выделялась из общего мертвого спокойствия. Почерневший металл тускло отсвечивал во мраке. Внутренние стенки сосуда

отражали высушенную пустоту: на дне не осталось ни единой капли жидкости — чаша уже сутки покоилась на берегу, под я л и в а я с ь под палящими лучами беспощадного солнца. Любой прохожий, даже не будучи профессором археологии, запросто признал бы в чаше ровесницу древних цивилизаций Востока. Похоже, ее отчеканили во времена фараонов, а то и более ранних мировых владык: чьи призрачные царства забылись, превратившись в пыль на подошвах солдатских сандалий. Сцены, выбитые на стенках чаши опытной рукой чеканщика, изображали толпу людей, склонившихся перед Солнцем. Это светило спокон веку обладало статусом божества, и ему не требовалось прилагать для своей популярности особых усилий. Земным народам издавна свойственно обожествлять то непонятное, до чего они не могут дотронуться пальцем. Фаэтон греческого бога Гелиоса, несущий огненные колеса по раскаленным облакам, возможно, не раз сталкивался с желтой повозкой норвежки Сунны, объезжая золотую колесницу египтянина Ра, навстречу обозу капризного славянского божества Ярилы. А за дорожными инцидентами злорадно наблюдал индуистский бог Сурия, придерживая поводья семи своих лошадей, сверкающих солнечным светом.

Три вертикальные линии, второпях нацарапанные на дне сосуда, представлялись как удар когтей дикого зверя. Однако на самом деле они всего лишь означали III — стандартную римскую тройку. Потемневший вокруг чаши песок трепещущим ковром устилали тельца бабочек, судорожно распростерших теряющие краски крылья в последнем желании — улететь из жуткого царства смерти. Черная вода мягким ударом коснулась чаши, и та покорно устремила в сторону, перекатившись на другой бок.

Джунгли пронизывали ночь будоражащим запахом ледяного молчания: и это было даже страшнее мертвой реки с качающейся на волнах дохлой рыбой и черным песком, усыпанным раздувшимися лягушками. Дождевой лес — организм, живущий в ритме ночного клуба: он способен задавать потрясающие *концерты* до самого утра. Среди стволов огромных деревьев, закутанных в лианы, непременно услышишь и хохот, и визг, и леденящий душу вой — какофония звуков не прекраща-

ется ни на секунду, вытягивая из мозга по капле остатки разума. Даже спецназовцы отказываются от ночевки в джунглях: люди с опытом и крепкими нервами рискуют сойти с ума в «зеленом отеле». Пугающую тишину тропического леса, слившегося в любовных объятиях с извилистой рекой, можно было без преувеличения назвать МЕРТВОЙ. Да в принципе — так ведь оно и было.

Человек, явившийся из джунглей, походил на отпускника-неудачника, по вине жуликоватой турфирмы оказавшегося на отдыхе в гиблом месте. Цветастая гавайская рубашка (зеленые и желтые пальмы на белом фоне), обросшие светлыми волосами тонкие руки, засунутые в карманы шорт-«бермуд», на загорелых ногах — шлепанцы, вырезанные умельцами из старых автомобильных покрышек. Выцветшие волосы на затылке завязаны в «хвостик», худое лицо покрыто веснушками, губы припухли, как у обиженного ребенка. Обычный курортник-бэкпекер: из тех, что тысячами ошиваются на улицах Бангкока или Куала-Лумпура, — сходство довершал потрепанный голубой рюкзак, болтавшийся на тощих плечах. Беззаботно шлепая по песку, курортник вразвалочку подошел к реке. Присев на корточки, он по локоть погрузил руку в глубь темных и маслянистых волн.

Вода слабо булькнула, перевернув трупы рыбешек.

Курортник извлек руку — сдвигая пальцы, на манер ножниц, он пристально осмотрел ладонь. Фаланги липли друг к другу, с костяшек тягуче стекали густые, как свежий мед, черно-багровые капли.

Рыжий рассвет полыхнул над джунглями — внезапно, как взрыв напалмовой бомбы, это заставило курортника зажмуриться. Река, переливаясь под солнечными лучами, неохотно меняла цвет — черные оттенки исчезали, сопротивляясь резкими бликами. Поверхность воды сделалась яркой, тяжело-красной, потрясающе гармонируя с шевелящейся зеленью джунглей. Парень в «гавайке», вытерев запачканную руку прямо о шорты, опустился на песок, любуясь красочной картиной. Практически райскую идиллию портил разве что резкий запах — от речных волн несло *сладящей* вонью: той самой, которой свойственно приводить в безумство голодных уличных псов, обитающих под стенами городской свинобойни.

Вода реки превратилась в *к р о в ь* — самую настоящую венозную кровь. Сверху казалось, что неведомый маньяк вспорол долине живот: грубо, неумело, орудуя тупым сапожным ножом, разбросав ошметки зеленой плоти, — через тело джунглей тянулась сплошная красная рана. Наверное, именно таким в представлении греков и был древний Стикс — мрачная река подземного царства, по волнам которой переправлялись в загробный мир души мертвецов. Кровь убила все живое в этой заводи: рыбы погибли сразу, лягушки уснули отравленным сном, крокодилы уползли подальше от страшных кровавых вод. Да и вся остальная живность в окрестных дождевых лесах, похоже, поступила аналогично: это место больше не выглядело пригодным для обитания живых существ.

Отныне здесь можно было только умирать.

Курортник, сунув *другую* руку в карман, выудил странное приспособление — вроде мобильного телефона, но с одной единственной кнопкой на панели. Нажав ее, он подождал вспышки сигнала.

— Слушаю, — с дребезжанием прозвучало из недр динамика.

— Это номер три, — деловито произнес *курортник*. — Только что завершил задание. Сейчас сниму на камеру и передам доказательство по спутниковому Интернету. Надо пользоваться — пока существует связь. Осталось недолго.

— Волшебнo, — согласился невидимый собеседник. — Как отправишь фото, побудь на месте пару-тройку минут. Появится **знак** — можешь идти.

Скинув рюкзак прямо на мокрый песок, турист извлек из его недр зачехленную фотокамеру: черный «кэнон» с профессиональной оптикой. Порывшись внутри сумки, он вытащил дополнительный объектив, ловко привинтив его сверху — словно щупальце. Наведя *трубу* объектива на струящиеся под стволами пальм потоки крови, нажал на затвор. Камера тихо застрекотала: снимки делались быстро — два десятка фотографий отщелкались сплошной очередью, как из пулемета. В *окошке* «кэнона» послушно отпечаталось: мертвые рыбы, бурая пена, трупчики бабочек на песке. Следом из рюкзака на свет появился компьютернoутбук: подсоединив шнур к фотокамере, *курортник* аккуратно перекачал снимки на жесткий диск. Прошла еще минута — и

он легко вышел в Интернет через спутник, набрав в командной строке хорошо знакомый адрес электронной почты. «Зацепив» первый снимок, он начал прикреплять его к посланию...

Связь барахлила, временами прерывалась, но у туриста хватало как времени, так и терпения. Окончив сеанс, он убрал сначала ноутбук, а затем и фотокамеру обратно. Подойдя к лежащей на песке чаше, *курортник* поднял ее, осторожно повернув: он с любопытством склонил голову, всматриваясь в сценку с людьми, на коленях ожидающих появления Солнца. Особенно хорошо вышла у чеканщика женщина ближе к краю — молодая, с распущенными волосами, она радостно простирала руки навстречу божественному свету. Турист, улыбаясь, поднес чашу ближе к глазам — надеясь внимательно рассмотреть черты лица молящейся.

Солнце на небе померкло так быстро, что он не успел этого сделать.

Стоя в кромешной тьме, *курортник* уяснил — это и есть знак. Его задача выполнена — *руководитель* разрешает ему у й т и. Чаша со стуком легла в рюкзак, он тщательно перетянул шнуры на сумке сложнейшим узлом.

Мертвые джунгли поглотили его — так же безмолвно, как и выпустили.

Глава I. Пробуждение

(День № 1 — понедельник, Москва)

Интересно, а что я сейчас делаю? Откровенно говоря, на редкость глупейший вопрос. И так ясно — сижу на краю обрыва, бесцельно болтая свесившимися вниз ногами. В мозгах сплошной звон, я ничего не думаю, поскольку мысли свернулись тугим кольцом и сдохли — изображая робота, я механически верчу головой по сторонам. Окрестная панорама не заставляет открыть рот в восторге и восхищенно произнести «Вау!». Абсолютно ничего интересного. Серая и дождливая погода — скорее всего, начало осени: период затяжных простуд и кислых депрессий. Тяжелое, измятое небо нависло над деревьями так, что почти цепляется за сучья — того и гляди, ему не удержаться: плюхнет, подмяв под себя желтые нити сухой травы. В ушах раздражающий шум — тонкие голоса, женское хоровое пение и скрежет от радиопомех. Напрягая губы до боли, я улыбаюсь. Зачем я это делаю? Наверное, сугубо из вежливости. Строгая мама, не жалея времени, наставляла в детстве — даже незнакомым людям следует улыбаться. А незнакомых людей вокруг очень-очень много. Человек сто. Или двести. Правда, ведут они себя странновато — скаль зубы хоть до посинения, никто и не подумает улыбнуться в ответ: хотя бы из чувства формальной любезности. С бесцельным видом они бродят от *столбика* к *столбику*, сталкиваясь друг с другом и безжалостно давя каблуками головки превосходных красных цветов. Лица бледные, грязные, измятые — выра-

жение глаз выдает глубокую растерянность. Трогают себя за рукава, пристально рассматривают пальцы рук, часто поднимают по очереди то левую, то правую ногу — вскрикивая, издавая нервные восклицания. Женщина, прижимающая к груди пятилетнюю девочку, — косичка перехвачена розовым бантиком. Мрачный, сухощавый старик в строгом костюме. Лысый мужик с наколками «Витя Superbad». Десантник, одетый в форму с парадными аксельбантами. Жеманная дама, ступающая мелкими шажками, — она зачем-то напялила на себя длинную узкую юбку, держит над головой кружевной зонтик. Все перепачканы землей. Земля в одежде, уголках губ и волосах. Мальчик в матросской шапочке открывает рот: сыплется мокрая земля вперемешку с дождевыми червями. Я тоже поддаюсь позывам в горле — кашляю, сплевывая невкусную массу, забившую гортань. Какая несусветная гадость. Зачем же тогда они ее едят? Ненормальные.

— Мама, а что это такое? — спрашивает у женщины *та самая* девочка.

Женщина молчит, стискивая руку ребенка. Она не может ей ответить. Девочка плачет: заходится криком. Мать смотрит на нее пустыми глазами.

У меня конвульсивно дергаются пальцы. Левый уголок рта. Правое веко. Все тело начинает бить частыми, сильными сгустками нервной дрожи. Я поочередно скашиваю глаза на оба своих плеча — их покрывает материя, по цвету напоминающая снег. Я одета в пышное платье — белое-белое, как идеально взбитые сливки. Большая юбка-колокол, все в гламурненьких кружевах и рюшечках, на груди — прозрачный тюль. Какое симпатичное. Разминаю онемевшие лодыжки, удивляясь: мои ноги обуты в шикарные кремовые туфли. Неужели я работаю рекламным агентом бродячего цирка? Похоже, что да. Облачилась в модельное платье и сижу на краю измазанной глиной сырой ямы — как городская сумасшедшая. С любопытством щупаю материю. Интересное платьице. Сшито явно на заказ. Я про такие уже слышала. Как их вообще называют-то, Господи? Ах да... *подвенечные*.

Я звонко хихикаю — так кудахчет курица: мелко-мелко, булькая тонкими горловыми звуками. Сжимаю пальцами виски, уподобляясь барышне из дешевой мелодрамы — кончики

ногтей глубоко врезаются в кожу. Ох, как клево. Оказывается, я — невеста, которая сбежала со свадьбы в неизвестном направлении. А теперь, видимо, колбасится, приехав на бал-маскарад извращенцев — поедателей земли. Высунув дрожащий язык, я прикасаюсь им к ладони: она холодная и мертвенно-белая, как подвенечное платье. Не видно ни одной голубенькой прожилки. Мое истерическое хихиканье становится громче — даже вороны слетают с веток, но окружающие не спешат вызывать мне «неотложку» или любезно предложить успокоительное. Все заняты делом. Кто-то смеется. Кто-то плачет. Кто-то молится, обращая ладони к небу, где спрятался за тучами объект их поклонения. Каждый счищает с себя землю — ох, как же много тут земли... Не прекращая хихикать, я перехожу на рыдания: плачу навзрыд — закрыв зареванное лицо руками. Меня никто не утешает. Но это и неважно.

Ведь я вспомнила. Я же ВСЕ вспомнила...

Классическая музыка... лаковый паркет... стены с пошлыми розочками на обоях, только что от евроремонта... заспанные после бурного девичника подружки мучительно улыбаются мне накрашенными ртами... Олег... он такой смешной и серьезный — и даже при галстукке, который никогда не носил... толстая тетка с красной лентой через плечо, затаив корыстную надежду, спрашивает: «Фотографа нашего возьмете?» Кольца на бархатной подушечке. Тяжелый холод золота, надетого на палец. Торопливый поцелуй сонными, вялыми губами. Шампанское в пластиковых стаканчиках на выходе из ЗАГСа и пена, неудержимо бьющая через край...

Я провожу рукой по волосам. Они тоже в земле: свалялись, потускнели. Сверху прямо на нос мне падает мокрица — одним щелчком отправляю ее в воздушное путешествие. Значит, я была на свадьбе. На **своей** свадьбе. Но как же тогда я оказалась ЗДЕСЬ? Я поднимаюсь, отхожу подальше от краев ямы. Меня грубо толкают — дед в полосатой больничной пижаме. Он идет как бы сквозь пространство, не видя никого вокруг, что-то шепчет бескровными губами — протянув перед собой руки. Старик явно безумен. Подождите-подождите. Неужели я рехнулась от счастья и сразу со свадьбы меня отвезли в психушку? Обшариваю платье руками, не забыв оценить идеальный маникюр. Ле-

зу в лифчик. Не стесняясь посторонних, задираю пышную юбку, осматривая чулки. Нет, мобильного, видимо, мне не положено. И куда, собственно, я собиралась позвонить? По какому номеру?

Ууууууууууу. Ааааааа. Ясно-ясно-ясно. Шизофрения. А что еще?

Возвращаюсь. Безвольно присаживаюсь — яма тянет меня, как магнитом. Запрокидываю голову. Небо, делая одолжение, выдавливает пучок хилых молний. Черные облака нехотя поддумываются — на горизонте встает огненное зарево. Я чувствую горький запах дыма... и снова, в который раз, сплевываю землю — беспомощно высовывая язык и отвратительно громко кашляя. Прямо под ногами внезапно раздается деревянный стук.

Чья-то ледяная рука обхватила мою лодыжку.

Я дико визжу. Ошарашенно вскакиваю. Смотрю вниз.

Человек на дне ямы несколько не смущен моей реакцией. Напротив — пользуясь освободившимся местом, он сноровисто вылезает наружу. Молодой парень с щегольскими усиками, в совершенно клоунской одежде: не то парадная форма, не то ливрея швейцара... грубое сукно сине-красного цвета, высокие ботфорты — с раструбом, заканчивающимся выше колена. На голове — шляпа, похожая на длинную трубу, с лаковым козырьком; рука вцепилась в эфес изогнутой сабли.

— Мадмуазель, — с ярко выраженным акцентом говорит человек, придерживая саблю и расшаркиваясь с ленивой церемонностью. — Pardon moi, но для чего же так орать? Ну да, вас положили сверху, прямо на меня. Разве плохая поза? Я и без того вами изрядно стеснен. Почитай, уже двести лет здесь лежу. Отойдите, сильвупле. Сейчас наверняка кто-нибудь еще оттуда полезет.

Словно в подтверждение его слов, со dna ямы слышится залиvistое конское ржание. Ничего не понимаю. В глазах — карусель: с визгом, хохотом, свистом. Серый овальный камень, наполовину зарывшийся в землю. Я приняла его за столбик. Такие же камни повсюду, да и не только они. Слева — элегантная беседка с крышей-луковкой, а справа — грустная мраморная скульптура сложившего крылья ангела. Земля устлана обломками досок. Подол платья испачкался в белой глине. Пахнет затх-